

ГЛАВА 12

- Сука, блять! – вырвалось у меня, когда мы с отцом покинули офис застройщика, узнав, что торговый центр откроется не в феврале, а возможно, в апреле. Внутри меня все кипело. Едва сели в «газель», отец сразу же закурил, я тоже. Спустя пару минут я немного успокоился и задышал ровно. Ситуацию принялись обсуждать уже дома за ужином.

- Можно остаться в этом торговом центре, а можно забрать аванс и поискать другое место, - произнес я, сидя за кухонным столом, ковыряя яичницу и кусая ржаной хлеб.

После демарша матери с едой у нас стало скудно. Если мы возвращались с работы рано, то отец что-нибудь готовил. Получалось очень вкусно, надо сказать. Я в это время занимался проводками накладных. Иногда мы брали по пути домой курицу-гриль с пивом. Если приходили поздно, сильно уставали и забывали купить курицу, то жарили яичницу и ложились спать, чтоб с утра тоже поесть яичницу.

Отец ел молча. Как всегда размеренно и качественно пережевывая пищу. Я глотал все крупными кусками, жевал наспех, запивал торопливо чаем. Отец всегда ел дольше. Я садился за стол позже него и все равно заканчивал первым.

- Вот у тебя всегда так, - сказал отец, прожевав. – Сначала весь загорисься – давай, давай! Потом, когда что-то случается, снова – давай, давай, но уже назад. Мечешься туда-сюда постоянно! Нет, чтоб нормально подумать.

- А о чем думать!? – вытаращился недоуменно я на него. – Я же тебя не заставлял, не принуждал. Мы вместе решили, что будем арендовать отдел в этом торговом центре! А теперь получается – я – давай, давай!? Интересно ты говоришь!

Я покачал головой и сунул в рот кусок яичницы.

- Думать надо сначала! – продолжал отец. – А то девять тысяч туда, десять тысяч сюда, так на тебя денег не напасешься!

- Каких денег!? – обомлел я. – Ты о чем!? Я сам деньги зарабатываю, я у тебя их не прошу, мы работаем пятьдесят на пятьдесят! Какие девять – туда, десять – сюда!? Если не захотим арендовать отдел, ну, пойдем и заберем обратно свои деньги и все!

- Таких денег! – отец вцепился в меня взглядом ментора. – Транжиришь деньги по своим этим клубам направо и налево!

- Ааа, вон ты о чем! – чуть не поперхнулся едой я.

- Да, все о том же! – жестко добавил отец.

- Ясно, - кивнул я и уткнулся в тарелку, от разговора стало противно. – Могу не ходить никуда, дома буду сидеть.

- Вот и сиди.

- Да куда уж там – сиди! – раздался за моей спиной голос матери.

Я вздрогнул. Мать словно дежурила за углом, вошла на кухню стремительно.

- Как ты что ли он должен сидеть дома!? – вперилась она злым взглядом в отца, нависнув над ним сидящим со своего невысокого роста. – Чтоб таким же как ты жлобом стал!? Какие он у тебя деньги берет!? Он сам зарабатывает! Может еще у тебя разрешения спрашивать!? Он уже взрослый! Пусть куда хочет, туда и ходит! Нечего ему дома сидеть! А то станет таким как ты! Каждую копейку сидишь считаешь как куркуль!

Напор матери привел отца в замешательство – он даже жевать перестал.

- А ты не слушай его, сынок! – мать отмахнулась от отца и глянула на меня. – А то так досидишься дома, станешь таким же, будешь сидеть с кислой мордой и забудешь, как улыбаться! Ходи, куда ходишь!

Мать рубила правду, отец был на редкость неулыбчивым и скудным на эмоции. Я почти не видел его смеющимся от души. Широкая и одновременно сдержанная улыбка – была максимальной его эмоцией. Появляясь на секунду, она сразу торопливо пряталась. Сдержанность отца проявлялась и в волевом контроле негатива. Но когда сила воли кончалась, наступала разрядка. Несколько раз я видел, как гнев буквально разрывал его пополам, перекашивая лицо в дикой злобе и тогда, всем, кто попадался на пути отца, я не завидовал. Раза три причиной гнева становился и я еще в школьные годы, тогда отец принимался бить меня иступленно, но всякий раз меня спасала мать, загораживая собой и оттаскивая отца прочь. Бил он сильно, по-настоящему, как взрослого. Я зажимался в углу с головой и ждал матери. Примерно столько же раз при мне мать и отец крупно ссорились. Однажды мать была особенно несдержанна на слова, отец распустил руки. Он отбил ей почки и что-то повредил, что называется «по-женски». После чего мать сказала, что если он еще ее хоть пальцем тронет, то она зарежет отца спящего. Я видел его глаза во время тех слов, наполненные неподдельным страхом и ужасом. Больше он мать не трогал.

Сдерживаемые эмоции копились в отце. Но яростно выплескивался лишь негатив, позитив же был способен максимум на редкую улыбку.

- Ходи, знакомься, развлекайся! – продолжала махать руками мать, бросая на отца уничтожающие взгляды. – А то молодость кончится, и превратишься вот в него!

- Слушай, ты! – встрепнулся отец.

- Ты мне не тычь!!! – взвилась мать. – Понял!!? Ты мне никто!! Заткнись!!

Отец умолк, заиграл желваками.

- Можешь сцеплять свои зубы! – смотрела мать на реакцию отца с нескрываемым удовольствием. - Хоть обскрипись ими, мне на тебя насрать, куркуль чертов!

Она резко повернулась к холодильнику, открыла его, поковырялась там, хлопнула громко дверцей и, уже выходя из кухни, бросила:

- Вот жрешь яичницу и хорошо! Вот и жри! Так тебе и надо, жлоб!

Я пил чай и ощущал как на голове шевелятся волосы. Семейный кризис грозился перерасти во что-то большее. Отец принялся жевать, задумчиво и медленнее обычного.

- Ладно, - произнес я, когда гнетущее молчание стало невыносимо. – Давай решим все-таки, что будем делать с торговым центром...

- Да что там решать, - выдавил из себя отец, закинув ногу на ногу и начав ей нервно дрыгать. – Надо оставаться и все. Другое такое место мы не найдем, а метаться с места на место не лучшее дело.

- Согласен, - хлопнул я ладонью по столу. – Глупо выйдет, ждали столько времени и бросили на полдороге. А вдруг, там торговля хорошая будет. В общем, остаемся!

- Остаемся, - нервно произнес отец, явно думая о выходке матери.

Я допил чай и вышел из кухни, меня ждали компьютер и накладные.

Очередной весенний торговый сезон пришел и обнажил недостатки нашего склада – его крыша местами потекла, а снаружи у ворот собралась талая вода. Каждую ночь она замерзала, и по утрам мы выдалбливали нижние края ворот изо льда. Полчаса минимум. Лом и вперед. И так до конца марта.

Продажи резко пошли вверх. «Меркурий» и «Пересвет» принялись так поедать бартерный товар, что нам вновь его стало не хватать. И опять выхода виделось два. Либо включить в бартерную схему новых оптовиков. Но в городе таковых почти не осталось. Лишь «Родной край» приходил на ум. Фирма продолжала удивлять скоростью роста, ее будто накачивали деньгами. Либо найти нового производителя ликвидного товара. Таких я не видел, а снова раскручивать неизвестный товар не горел желанием. Мысли крутились в голове, но решения не было. Сеня, почувствовав вкус денег, разошелся не на шутку.

- Ты, давай, предлагай! – выдал он возбужденно, когда я в очередной раз прибыл к нему с визитом. – Что там у тебя еще есть, что можешь возить!?

Я стоял посреди кабинета. Сидя за своим столом и высунув от вожделения язык, Сеня торопливо оформлял мою накладную. Я назвал несколько групп товаров, которые мог поставлять кто угодно. Сеня поморщился, я тоже, видя его реакцию.

- Ладно! Мы, знаешь, как сделаем!?! – Сеня поджал губу, побарабанил пальцами, раздумывая. – Ты вот сейчас разгрузишься и зайди ко мне, а я за это время тебе накидаю цены и ассортимент по этим группам. Ты и заберешь все сразу, лады!?

Я согласился и пошел на улицу. Наша «газель» уже стояла у склада. Я подошел в момент, когда отец только собирался поставить первую коробку на ленту транспортера.

- Давай, я покидаю, - оттеснил я его и принялся за работу.

Пришел грузчик, глянул в кузов «газели» и позвал из курилки еще одного.

- На, - сунул я ему в руки коробку, отошел в сторону. – Подавай.

Едва разгрузка закончилась, я сдал на складе товар и снова пошел в офис.

- Дал мне Сеня бумажки по другим товарам! – выдал я, вернувшись в машину. – Дома посмотрим, что к чему, а завтра обзвоним всех. Цены узнаем, посчитаем, прикинем. Лишнего бартера у нас нет, но отказываться нельзя. Будем выкручиваться.

- Как мы будем выкручиваться? – уставился на меня удивленно отец. – Ты смотри, сейчас там наобещаешь ему с три короба, а потом не получится.

- Получится! – возбужденно возразил я. – Сейчас сезон, пару месяцев товар будет, а там, глядишь, и еще что-нибудь найдем! Может, тот же «Люксем», наконец, разродится. Козлы, обещают уже целый год. Ладно. Выкрутимся, да, папаня!?

- Да, - бодро с улыбкой кивнул отец. – Куда теперь?

- На рынок теперь! – развел я руками. – Выручку снимем и все, домой.

Через полчаса тряски мы были на месте. 17:45, отец пошел к киоскам. Оставшись в машине, я понял, что устал сильно, обмяк в углу кабины и задремал. Любителя поболтать на пустопорожние темы я не ждал обратно скоро.

- Уснул!?! – бросил отец бодрим голосом, через двадцать минут забираясь в кабину.

- Угу, - буркнул я, не открывая глаз.

- Поболтали с Надеждой Петровной! – сказал отец с довольным выражением лица. Кабина завибрировала от ожившего двигателя, выведя меня из дремы, я сел прямо.

- Ну что, домой!?! – радостно добавил отец.

- Ну да, - произнес я вяло.

- Что-то ты невеселый прям такой!?! – все улыбался отец. – Али не выспался!?

- Есть хочется, желудок болит, - сказал я все так же вяло.

- Желудок – это плохо, - помрачнел отец. – Сейчас дома супчика поешь.

Мы поехали.

- Поем, конечно, - промямлил я, поджимая пальцами болевший желудок.

Раньше я не понимал, почему с гастритом или язвой желудка не берут в армию. А получив эти проблемы, все сразу уяснил. Постоянные трудно выносимые боли оказались столь неприятны, что я не мог думать ни о чем другом. Затмевая все, они забирали силы – сначала моральные, а через них и физические. Боли порождали раздражение от бессилия немедленно их прекратить, разве что только лекарствами.

Мы доехали до стоянки и прошли полдороги до дома в полном молчании.

- Сильно болит? – произнес отец.

- Так... нормально, - через раздражение выдавил я, чувствуя, как меня мутит.

Мать, едва открыв после звонка дверь, демонстративно ушла в дальнюю комнату. Мы с отцом разделись, помыли руки и пошли есть. Днем раньше отец сварил отличный суп. Он хорошо готовил, я же в этом деле был безрукий. Что-то простое вроде яичницы – было потолком моих поварских умений. В семье с последней ссоры произошли изменения – отец с матерью разошлись жить по разным комнатам. Отец остался в солнечной комнате с балконом. Мать перешла в бывшую детскую напротив. Шкаф, кровать, трюмо – все, что было из мебели в той полупустой комнате. Единственный телевизор, старый с подсевшим кинескопом, остался в комнате отца. В наше отсутствие мать сидела там и днями напролет смотрела в тусклый экран. Едва мы вечером возвращались, она, ворча, уходила к себе и ворочалась на скрипящей кровати до полуночи, пока не засыпала.

Я жил в зале. Линия раздела пролегла даже через холодильник. Мать стала хранить продукты и питаться отдельно. Мы же теперь убирались в квартире, стирали и готовили себе сами. Мать демонстративно с нами не общалась, заговаривая лишь по нужде. Я был согласен и на такое ее поведение, лишь бы в семье, наконец, закончились ссоры и дразги.

Меня мучило. Суп застрял посреди груди и никак не хотел уходить вниз. Началась изжога. Я некоторое время терпел, сидя за компьютером и занимаясь текущими бумагами. Через час тяжесть в груди ослабла, я выпил сироп, и меня замутило сильнее. Отец спал. Из комнаты матери тоже не доносилось ни звука. Мучительная изжога и подступивший под горло ком не давали заснуть. Я прошел в туалет, меня тут же вывернуло наизнанку. Боль и тяжесть отступили, стало легче. Я доплелся к кровати, обессилено лег на нее и уснул.

В апреле я снова вспомнил о «Родном крае», хотелось уже, наконец, увидеть его неуловимого директора. После очередной выгрузки в «Мангусте» мы нанесли ему визит.

«О, какой мелкий!» - подумал я, едва девушка из торгового зала откликнулась на мою просьбу и привела за собой директора. Ростом около метра шестидесяти, стриженный «под ноль» и с кислой физиономией, он был одет в кремовую тройку и белую рубашку без галстука. Маленькие пухлые ручки мужчины сжимали затертую черную барсетку, символ начавшей отходить моды. С грустными и воровато-стесняющимися бегающими глазками он подошел к нам и что-то буркнул. Я не расслышал, протянул руку первым и произнес: «Здрасьте!» Мужчина снова буркнул и будто нехотя с ленцой протянул мне свою ручку. Я пожал ее аккуратно. Следом пожал отец. Директор вздохнул и произнес: «Что там у вас?»

Я достал прайс, вручил ему, поставил коробку с образцами товара на стол и минут пять активно рассказывал о нем. Директор лениво перемещал взгляд по прайсу, крутил в руках флаконы, его лицо скисало прямо на глазах.

- Ну хорошо, оставьте, - смирился директор с моей настойчивостью, всем видом показывая, что визит наш – пустое занятие.

Мы распрощались и вышли на улицу.

- Да, тяжелый случай, - выдал я из себя. – С таким трудно будет кашу сварить. Ну, ладно. Будем долбить, приезжать каждую неделю, пока не согласится взять товар.

Отец промолчал. Мы подошли к «газели», сели внутрь, открыли окна, закурили. Я осмотрел двор. Суеты у складов стало больше. Объем товаров в складах вырос. Подле нас стояла пара новых фур.

- А «Родной край» растет потихоньку, - озвучил я мысли.

- Да, растет, народу трудится уже больше, - произнес отец и завел «газель».

- И откуда только деньги у него? – добавил я уже на ходу. – Не пойму.

Новый менеджер «Арбалета», тот самый незаметный Илья с бегающими глазками, открыл свою розничную точку. Он поделился секретом со мной полусшепотом, когда я в очередной визит ввалился в менеджерский офис и увидел сияющее лицо Ильи. Соседний стул его флегматичного напарника пустовал, тот ушел на обед.

- Да ладно!? Че, правда что ли!? – удивился я.

- Ну да, - с легким налетом ленцы и важности подтвердил Илья.

О! Ничего себе! Поздравляю! А что за розница? Магазин? Отдел? А где? – засыпал я менеджера вопросами, которые пришлось тому явно по душе.

С напарником, таким же менеджером той же фирмы, Илья арендовал магазинчик в центре города. Скучных сведений мне было достаточно, чтобы в секунду понять принцип работы его магазина. Илья пошел по самой простой схеме – брать товар с максимальной отсрочкой платежа и по оптовым ценам в фирме, где он работал, и сбывать его в розницу. Идея была незамысловата и пряма как лом, и оттого нежизнеспособна. Такой магазин мог давать прибыль только при условии высокой проходимости, даже максимальные скидки не позволяли получать прибыль с любой розничной точки уже при средней активности покупателей. На опыте с нашими киосками я знал это точно. Бартер был тем невидимым потоком, который питал наш бизнес. У Ильи его не было, парень явно ступил на хлипкую дорожку. Тем не менее, я искренне пожелал успехов.

Ага! – принял пожелания Ильи, кивнул, выпрямился на стуле, подмигнул мне и, чуть задрав подбородок, добавил: «Не только же вам одним розницу открывать!»

Оба засмеялись, распрощались, и я пошел на склад. «Газель» уже выгружалась, из кузова по одной вылетали коробки, их ловил грузчик и укладывал тут же на поддон.

- Давай, я покидаю! – заменил я отца в кузове, всучил ему накладные. – На, держи.

Разгрузившись, мы поехали к следующему клиенту. Я сообщил отцу новость.

- Да ты что!? – удивился он. – Вот так Илюха! Не ожидал от него! А с виду так не скажешь! Вроде сидит там на своем стульчике тихонько, а тут, раз, и магазин открыл!

- Так что, не нам одним магазины открывать, понял! – добавил я.

- Это точно! Видишь, как Илюхе в душу запали наши киоски! – произнес отец.

- Щас откроем третью точку в торговом центре, так он вообще от зависти опухнет! – выдал довольно я, задумался и добавил. – Хотя, не! Не будем говорить... А то он спать еще перестанет!

- Ну, тоже верно, кстати, - кивнул отец.

Работы в новом торговом центре кипели, вокруг уже лежал асфальт – все шло к тому, что в конце апреля он откроется. Пора было подумать о торговом оборудовании.

- Закажем в «Оптторге» по бартеру, - предложил я отцу. – У них как раз есть своя столлярка, шлепают там из ДСП все подряд. И нам стеллажи сделают.

- Как они нам сделают стеллажи по бартеру, если мы работаем с ними по бытовой химии? – уставился на меня отец, потягивая утром на кухне кофе.

- А какая им разница, что отдавать по бартеру!? – уставился в свою очередь я на него. – Это их подразделение, по бухгалтерии провести они это смогут.

- С чего ты решил, что смогут? – пялился на меня удивленно отец.

Я начал раздражаться. Отец не впервые скептически воспринял очередное мое нестандартное предложение. В его голове будто стоял шаблон из наработанных действий, и любому новому там не находилось места. Всякий раз мне приходилось, словно насильно вживлять все новое в голову отца, тогда он, тщательно подумав, соглашался. Отец не был открыт новым идеям, принимал их с трудом. Отсутствие ли природной гибкости в мыслях породило в нем чрезмерную осторожность или наоборот, осмотрительность убила креатив – я не знал. Но особенность характера была такова – на дороге жизни отец пользовался лишь проверенными путями. Бизнес же наш требовал сплошь гибкости и оригинальности, только так мы могли удержаться на плаву и развиваться. Мы обязаны были использовать любую возможность увеличения дохода или сокращения расходов. Увидев возможность сократить расходы, я поделился ей с отцом. И мозги его в очередной раз туго заскрипели. Сделав заказ через бартер, мы сэкономили треть суммы. К таким простым решениям отца нужно было подвести, он их не видел. Услышав же доходчивое разъяснение, отец начинал возражать, сомневаться и в итоге соглашался. Сначала я не замечал его тугодумия, позже стал неосознанно раздражаться в схожих спорах, а поняв причину своего раздражения и особенность характера отца, стал тяготиться споров. Они меня выматывали, каждый раз я тратил силы, чтобы сдвинуть отца, как камень, вперед. Моя ментальная усталость росла, и весной 2004 года в моем восприятии отца возникла критичность – я подверг сомнению его лидерство в нашем деле. Трещинки в образе отца побежали незаметно, и выводы меня не обрадовали. Я стал замечать, что отец нерасторопен, консервативен, негибок в мыслях и пассивен в генерации решений. И главный вывод, к которому я пришел – отец не являлся лидером по характеру, коим я его представлял. Он не вел меня за собой, а плелся рядом, периодически покрикивая и одергивая, если я переходил на жизненный бег.

- Да ничего я не решил! – вспыхнул я. – Просто надо пообщаться с ними и все!

- Ну, вот пообщайся, а потом уже говори! – строго посмотрел на меня отец.

- Ясен пень, пообщаюсь! – сдерживал я гнев. – Завтра поедем туда, я и поговорю.

Все получилось. Мы заказали изготовление торгового оборудования в «Оптторге» и сэкономили десять тысяч.

В середине месяца мы снова заехали в «Родной край», директор оказался на месте, и мы прямиком направились в его кабинет. Прямоугольный, метров в тридцать площадью, кабинет был занят длинным массивным столом, во главе которого на большом и солидном кожаном кресле восседал пухленький человечек. По обе стороны стола стояли стулья.

- Здравствуйте! – гаркнул я с порога и плюхнулся на ближайший стул.

Человечек что-то буркнул и растерянно заморгал, словно попал в ловушку, забегал взглядом между мною и отцом, который сел по другую сторону стола.

- Мы к вам пришли вот по какому вопросу! – взял я, что называется, быка за рога, интуитивно выбрав единственно уместную тактику. – Неделю назад...

Я сжато выдал причину визита. В процессе монолога внешне человек пришел в норму – расслабился и принялся рассеянно крутить в руках канцелярскую скрепку.

Я закончил.

- Хорошо, - еле слышно произнес директор. – Мы рассмотрим ваше предложение...

- Когда нам заехать!? – бесцеремонно перебил я.

- Где-то через недельку, - тем же тоном добавил тот.

- Хорошо! Через неделю мы у вас! – подытожил я, встал. – До встречи!

Отец тоже встал. Человек что-то буркнул.

- До свидания, - выдавил отец и прокашлялся.

Мы вышли.

- Через неделю заедем сюда обязательно! – произнес, едва мы покинули кабинет. –

Надо дожать этого упыря...

Растущий сбыт бартерного товара вынуждал нас вовлекать в обменную схему всех подряд. Я задумался об оптовиках средней руки. Самый интересный товар из середняков был у «Саши». Эта фирма была дилером нескольких крупных производств, в том числе «Аэросиба» – одного из трех крупнейших производителей аэрозолей в стране. Лидером же являлся «Арбалет», продукцию которого эксклюзивно продавала одноименная фирма. У «Саши» был эксклюзив на «Аэросиб». Продукцию третьего завода на равных условиях продавали обе фирмы. Когда я узнал все эти нюансы, стало ясно – самым жирным куском, на котором держался бизнес «Саши», был именно «Аэросиб». Из всего товара «Аэросиба» круглый год хорошо продавались лишь освежители воздуха и летом, в сезон, дихлофосы.

- Да, алло! – ответил я на утренний звонок мобильного.

- Алло, Ром, привет, - раздался на том конце приятный, немного вкрадчивый голос менеджера «Саши». Он звучал поразительно мягко. Казалось, его обладатель стесняется самого факта звонка и причиненного им беспокойства. Речь слегка запинаясь, голос чуть дрожал, ничего не требовал, а лишь стеснительно уточнял, могу ли я подвезти очередную партию товара, а то прежняя уже кончилась. Мне было удивительно слышать такой тон от менеджера более крупной фирмы. Я привык к холодному, иногда пренебрежительному, деловому общению. Хотя со временем с большинством менеджеров установились вполне теплые и доверительные деловые отношения. Но Сергей с первой минуты общения явил большую учтивость, чем расположил к себе лично меня сразу. Мой настрой сказался и на работе – поездки в «Сашу» были внутренне приятны. С фирмой хотелось сотрудничать.

- Привет, Серый! – бодро выдал я в предчувствии заказа.

- У меня тут синечка закончилась, у тебя есть еще? – продолжил голос мягко.

- Да, Серый, есть, полно! Тебе сколько надо? – уточнил я.

- Да мне бы коробочек пятнадцать...

- Хорошо, привезем! – довольно произнес я.

Сергей тут же предусмотрительно сообщил, что фирма «Саша» переехала на новое место и назвал адрес, который мне был совершенно незнаком.

- Я знаю, где это, - сказал отец. – Примерно представляю.

Во второй половине следующего дня мы с последним заказом покатали в «Сашу». «Гетто какое-то», - подумалось мне, едва мы переехали мост и углубились в жилые дворы одного из районов левого берега. За окном сплошь тянулись старые облезлые «хрущевки». Активный ритм жизни, бурливший на правом берегу, тут не чувствовался совсем. Время

здесь словно замерло – мы будто вернулись на десять лет в прошлое. Полная разруха и удручающее зрелище. Дома по обе стороны дороги глазели на нас облупленными окнами с грязными стеклами и нависали над дорогой лохмотьями стен в старой краске. Метрах в пяти перед нашим капотом медленно, словно в фильме про зомби, прошел плохо и грязно одетый мужик со стеклянным взглядом. Отец сбавил скорость. Мужик брел в тот проулок, куда собирались свернуть и мы. Поодаль с разных сторон туда же волоклись еще трое.

- О! Какой бухой чувак! – воскликнул я. – Не иначе, как разливуха рядом!

Еще один алкаш сидел под стеной дома, двое валялись у лавки, один спал в кустах.

- Да, похоже на то, - задумчиво произнес отец, притормаживая.

- О! Вот и разливуха! – крикнул я, едва «Газель» скатилась с дороги вправо.

На дальней стене дома висела железная дверь, ведущая в комнатку с замызганными окошками – лавку по продаже алкоголя на разлив. Мы медленно проехали мимо, глядя на людей, потерявших в себе всякие остатки личности. Вместе с домом кончился и асфальт.

- Вон, похоже, бывший садик! – воскликнул я, увидев новый металлический забор и возвышающуюся за ним шиферную крышу здания. – Давай, туда, па!

Ворота в линии забора были распахнуты. Мы протряслись еще метров тридцать по земле и въехали внутрь территории. Двухэтажное здание с двумя мансардами по бокам по конструкции напоминало старую помещичью усадьбу. Правая мансарда была переделана под капитальную пристройку с глухими кирпичными стенами. Левая пребывала в ветхом состоянии. Кое-где на здании виднелись следы проведенных работ по его воскрешению – новые окна; новая, одна из двух, входная дверь; перекрытая лоскутами нового шифера крыша. Вся территория вокруг была с зачатками порядка и уборки. Перед зданием стояли две машины – новая «Audi A6» и подержанная «Toyota Corolla». Мы притормозили рядом, и я пошел в здание, поднялся на второй этаж. Внутри пахло краской. Миновав комнату, за распахнутой дверью которой мелькнули столы с компьютерами и сидящие за ними три девушки, я вошел в просторный торговый зал. «Неплохо», - подумал я, начал озираться, и уперся взглядом в подошедшего вдруг Сергея. Мы поздоровались. Я протянул менеджеру накладную, тот принялся изучать ее, а я его.

«Странно, какие у него непропорционально большие плечи», - подумал я, заметив, насколько пиджак из плотной ткани их зрительно увеличивает. «И голова...», - мелькнуло в голове следом. «И губы ужасно толстые и крупные». Я удивился новому восприятию Сергея, помня прежний образ двухлетней давности приятного подтянутого смуглого, даже красивого парня. А тут вдруг образ распался на отдельные фрагменты. Пиджак, в котором при своем среднем росте Сергей ходил на квадратную тумбу. Крупная вытянутая вниз оплывшим двойным подбородком голова. Губы – большие, широкие, мясистые – они так сильно выпирали на лице, что казалось, есть они и все остальное. Средний аккуратный нос. Слегка раскосые глаза, великоватые относительно носа, но уступавшие в пропорциях губам. Тусклый, будто потухший, взгляд в обрамлении серой радуги оболочки. Высотой в три пальца низкий и покатый лоб. Сильно развитые надбровные дуги чрезмерно выпирали из зачаточного лба. Стриженные под машинку темные прямые волосы с легкой сединой на висках. «То ли он всегда так выглядел, то ли так изменился», - озадаченно подумал я.

- Что-нибудь брать будешь? – произнес Сергей, оторвав взгляд от накладной.

- Да, вот, - протянул я бумажку с заранее написанным заказом.

- Давай, сразу пробью, и пойдешь разгружаться, а кладовщики как раз соберут за это время, - сказал Сергей и сел за пустовавший в торговом зале компьютер. Я подошел

ближе. Поерзав на стуле, Сергей стал вглядываться в экран, при этом будто осторожно трогая мышку рукой.

- Кать, а где у нас тут программа торговая? – крикнул он через минуту в сторону соседней комнаты, той самой, что я миновал ранее. – Ты из нее вышла что ли?

Подошла девушка. Взялась за мышку, покликав, запустила нужную программу.

- Вот, - произнесла она и ушла обратно.

- А, да, - Сергей напряженно всматривался в экран. – Аха, понял, спасибо, Кать.

Рука его зависла над мышкой, мелко дрожа, чуть сдвинула ее в сторону, кликнула кнопкой. «И чего он так медленно все делает?» - удивился я.

- Так, сейчас, скидку тебе выставлю, - произнес Сергей, и его трясущиеся пальцы начали медленно тыкать по клавишам, в точности так, как если бы делали это впервые.

Устав стоять, я принялся слоняться вдоль витрин торгового зала.

- Так, выставил, аха, сейчас выбью тебе, что ты заказал, - донеслось от компьютера. – Освежители заказал. А что остальные не берешь аэрозоли, вот для кухни, для плит?

- А что, хорошо продаются? – уточнил я, стоя спиной к Сергею у дальних витрин.

- Да, хорошо. Можешь взять, попробовать, в розницу поставишь, - произнес тот. – Пробыть по коробочке?

- Да не, не надо, - не меняя позы сказал я, отлично зная, что предлагаемый товар – «висяк», который зависнет в обороте и не продается. – Пробей только то, что я написал.

- Хорошо, - донеслось в спину.

Я обернулся и неспешно направился к Сергею. Тот все продолжал медленно тыкать в клавиши, шевеля губами при чтении моего заказа.

- Так, пробил, - выдавил он из себя через пять минут, вытирая лоб ладонью, и снова крикнул в комнату. – Кать, а как из набора выйти в накладную и распечатать?

Девушка подошла, запорхала пальцами по клавишам, принтер засвистел, утащил в себя из лотка чистый лист бумаги и вернул его уже накладной. Девушка молча ушла.

- А, да, вспомнил, - замялся Сергей. – Да, так. Хорошо, аха, Кать.

«Странно, столько лет работать и не уметь набрать накладную», - снова удивился я.

- Подъезжай, пока разгрузайся! – сказал Сергей мне, сгребая все документы вместе разом. – А я кладовщику накладные отнесу.

Я кивнул и вышел на улицу. Отец подогнал «газель» к окну выдачи и приемки, и я принялся выгружать туда заказ. Закончив, я едва успел сунуть накладную в карман, как мне в руки уже плюхнулись первые две коробки с освежителями воздуха. Я отправил их в кузов. Коробки пошли потоком. Снова две коробки освежителей. Еще две. Еще. Коробка антистатика и две коробки лака. Две коробки еще. «Это что за коробки? Непонятные какие-то», - мелькнуло в голове. Я принял их автоматически и поставил в кузов.

- Все! – гаркнул кладовщик. – Проверять будешь!?

- Да, подожди, сейчас быстро гляну, - озадачился я и достал из штанов накладную, пробежал по ней глазами, сверил с коробками в кузове. Я помнил свой заказ отлично. Все было верно, за исключением двух коробок. «Чистящее средство «Антипригар» для плит», - прочитал я наименование про себя.

- Все нормально!? – нетерпеливо произнес кладовщик.

- Сейчас, подожди, - замялся я.

«Я точно не заказывал эти две коробки... Это ж висяк... вообще не продается. Зачем он мне его пробил? Я ж не просил. Сказал же, что ничего, кроме заказа не надо! Странно»,

- путались в голове мысли. Я глядел на ненужные коробки и не знал, как поступить. Я впервые попал в ситуацию, когда мне подсунули товар. Непонятный ход. В нем не было смысла. Я же мог легко отказаться от этого товара. «Зачем?» - закрутилось в моей голове.

- Все нормально!? – снова раздался над моим ухом голос, кладовщик нетерпеливо забарабанил шариковой ручкой по металлическим перилам.

«Да ладно, заберу эти коробки... Поставлю в киоски. Ну, не продастся, верну, какая разница», - слепил мозг торопливо неудобное решение.

- Да, нормально все, - буркнул растерянно я и закрыл задний борт «газели».

- Ну, давай, пока! – махнул кладовщик рукой и захлопнул ставни.

Все еще находясь в легком недоумении, я сел в кабину и тут же произнес:

- Прикинь, Серый взял, зачем-то пробил две коробки «Антипригара»!

- А зачем? – удивился отец.

- Понятия не имею! – пожал я плечами. – Может, всем так распахивает на пробу?

- Ну, может, - покривился отец в непонимании.

- Да ладно! – отмахнулся я от странного события, кинул накладную на панель. –

Пробьем на розницу, посмотрим, может и продастся, а нет, так вернем ему назад.

- Смотри, как решишь, так решишь, - пожал безразлично отец плечами.

- Хорошо, - согласился я, и мы уехали.

Дней за десять до конца апреля неожиданно объявился коммерческий директор «Люксхима». Он позвонил рано утром и попросил о встрече. Мы встретились с Эдиком в кафе за обедом. Разговор вышел обыденный, о текущих делах. Упомянув «Родной край», я сказал, что переговоры идут тяжело, но мы все-же надеемся дожать директора этой фирмы.

- Надо будет мне заглянуть к нему, пока я здесь, - сказал Эдик.

- Да, заедь, попробуй договориться! – оживился я. – Тебя он может послушать и сразу согласиться! Начнем тогда поставлять ваш товар в «Родной край»!

- Хорошо, Рома, заеду обязательно сегодня! – расплылся в лисьей улыбке Эдик.

Последняя неделя апреля вышла суетливой – мы готовились к открытию торгового центра. В понедельник за два рейса привезли торговое оборудование – витрины-горки и стеллажи, занесли их внутрь вдвоем и установили. Во вторник на входе в центр повесили объявление о продавщицах в отдел, и в среду на него откликнулись две девушки. Среду и четверг мы завозили товар в отдел и готовили его к открытию. Другие арендаторы делали тоже самое. Под конец я обвел усталым взглядом помещение – некогда пустое, теперь оно было сплошь утыкано торговыми секциями. В 10 утра пятницы 30 апреля после получаса скучных официальных речей с трибуны перед главным входом, увешанным воздушными шарами, торжественное открытие торгового центра свершилось! Толпа повалила внутрь, обеспечив празднично одетым продавцам хорошую дневную выручку.

- Поехали, стогнаем в «Родной край»! – предложил я отцу в полдень, когда первая волна эйфории схлынула. – Последний день перед праздниками же.

Отец согласился, и через полчаса мы были на месте.

- Здравствуйте, чем могу помочь? – улыбнулась мне менеджер торгового зала.

- Здравствуйте! Да хотел узнать ситуацию с нашим коммерческим предложением, ну, вы помните, которое мы делали вам, вашему директору!? – выдал я радостно, будучи в

праздничном настроении. «Третью торговую точку открыли! И нее эти старые киоски, а полноценный отдел в новом торговом центре!» - радостно скакали в голове мысли.

- Да, мы будем работать с вашей продукцией, - произнесла девушка, и внутри меня все заликовало с удвоенной силой: «Вот это новость! Не зря заехали! Как чувствовал!»

- Мы уже сделали заказ производителю, - добавила менеджер.

- В смысле??? – оторопел я, уставился на девушку.

- Директор нашел ваше предложение интересным, - спокойно пояснила та. – К нам приезжал представитель производителя, мы заключили договор и теперь будет работать с ним напрямую.

Внутри меня все оборвалось. Я обернулся. Отец стоял позади и почесывал нос.

- Кто приезжал? – выдавил я из себя, понимая, что надо что-то говорить, понимая, что и говорить что-либо уже бессмысленно, а стоять молча, еще глупее. – Эдик?

- Ой, я не знаю, как его зовут, - сказала девушка. – Такой, невысокий, седоватый.

- Эдик, - глянул я на отца, тот кивнул, отвернулся и пошел медленно на выход.

- Хорошо, понятно, - произнес я, пытаюсь собраться с мыслями и угомонить гулко стучащее сердце. – Да, это был он. Надо будет ему позвонить, узнать, что и как. А то, видите, нестыковка получилась какая...

Я развел руками, девушка понимающе улыбнулась.

- Ладно, чего уж теперь, - тяжело выдохнул я, махнул рукой и пошел на выход. На улице солнце ударило в глаза ослепительной яркостью, заставив щуриться. Погода стояла шикарная – чистое и голубое небо, ни ветерка, тепло, чуть за двадцать. Идеально. И всего пять минут назад настроение было испорчено напрочь. Отец невдалеке уже нервно курил. Я закурил не раздумывая.

- Свинья этот Эдик! – выдавил из себя отец. – Больше мне нечего сказать.

- Ну, да, - кивнул я.

С минуту мы курили молча.

- Я не понимаю! – вырвалось у меня. – Как так!? Зачем они так сделали!? Они же нас рубят сзади! Мы так не сможем развиваться! Как же мы будем продавать их товар, если они клиентов отбирают!?

Отец молчал. Во мне все клокотало. Возникло жутко неприятное ощущение удара в спину, я рефлекторно встал ею к стене. Вспомнилась одна история из книги. Во времена Дикого Запада был в Америке бандит. Никак его не могли поймать. Он хорошо стрелял и всегда во всех заведениях садился спиной к стене и лицом ко входу, чтобы все видеть и контролировать. Естественно, его убили в спину, в тот первый и единственный раз, когда он сел ко входу спиной. Мораль – не расслабляйся и не подставляйся. Я докурил.

- Поехали? – выдавил из себя отец, со злостью отшвырнув бычок.

Я кивнул. Предстоящие праздники уже не радовали. Я чувствовал себя собакой, у которой изо рта обманом выхватили с трудом найденную кость. Урок жизни я усвоил.

Все майские праздники мы проторчали с Вовкой в «Чистом небе». Мое внутреннее состояние походило на «отвертку», коктейль, каким я накачивался вечерами в этом клубе: с одной стороны злость на Эдика, с другой – эйфория от открытия первого полноценного торгового отдела. Радость перемешалась с горечью, как водка с соком. Смешались и дни. Я вынырнул из алкогольного угара клуба в последнюю праздничную ночь, оказавшись на свежем воздухе в два часа ночи вместе с закрытием. Рядом дымил Вовка.

- Брошу я курить все-таки, - вдруг произнес он устало.
- Так ты ж уже бросал!? – хохотнул я и затаился.
- Снова брошу, - нахмурился Вовка, и мы побрели к гостинице.
- Да, сигареты – зло! – вздохнул я. – Тоже брошу курить когда-нибудь.
- Жрать охота! – сказал Вовка, и стал наводить рукой круги по пузу.
- И мне есть охота, - почувствовав тут же и я приступ голода.

Через несколько минут мы уже жадно уплетали еду, стоя у круглосуточного киоска фастфуда. Вовка жутко чавкал. Соус тек у него по уголкам рта вниз, крошки хлеба летели во все стороны. Я доел первым, гамбургер забил желудок и застрял, стало тяжело дышать. Я выпил кофе. Не помогло. Ком еды стоял под самым горлом.

- Ну че, поехали!? – гаркнул Вовка.

Я кивнул и глубоко вдохнул, бесполезно. Мы сели к Эдику и поехали. Всю дорогу, не умолкая, Вовка что-то громко тому рассказывал. Меня пробил пот и накатила тошнота.

- Тут тормози, бля! – заорал Вовка, едва мы оказались напротив его переулка.

Машина пискнула тормозами. Пыхтя, Вовка выбрался с переднего сидения, громко попрощался с нами и покосолапил в темноту. Поехали дальше. Я старательно делал вид, что мне нормально, но становилось все хуже. Ком в желудке в такт колесам подпрыгивал на разбитых дорогах города. Время таяло секундами.

- Ты меня к дому не вези, - произнес я буднично. – На дороге останови, я пройду, подышу воздухом.

Эдик кивнул.

Приехали! Я отсчитал деньги, простился с Эдиком, тот укатил. Я огляделся – ни души. Я шагнул к ближайшему кусту, и меня вывернуло фонтаном.

- Блядский желудок, как ты меня заебал уже! – выругался я, облегченно выдохнул и, утирая с лица пот, пошел на ватных ногах домой.